

JULIA KLUKINA-BOROVIK  
Ural Federal University

## **«СТИХ О ПОСЛЕДНЕМ ВРЕМЕНИ» И РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ СТАРООБРЯДЦЕВ-ЧАСОВЕННЫХ В 1930 Г.**

### **«The verses about the Latter Days» and religious traditions of the Old believers «chasovennye» in 1930**

Ключевые слова: Модернизация 1930-х гг., духовные стихи, традиции, старообрядчество, часовенное согласие, Урал

KEYWORDS: Soviet modernization of 1930<sup>th</sup>, religious poems, traditions, Old believers, «chasovennye», Urals

ABSTRACT: The necessity of a confrontational perception of the world, and the need for different correcting images of external and internal enemies were topical for the Soviet state mobilizing system, especially in periods of transformational changes. The time of the 1930s, with the violent transformation of peasants into agricultural workers, was such period. The resistance of the peasants to 'collectivization' took place in the form of mass demonstrations and passive actions. Resistance and the folklore connected to it in response to the wave of violent 'collectivization' became the subject of investigations by special services. However, in addition to peasants' performances, elements of the 19th tradition culture appeared in the field of GPU's attention. Examples of this are such documents as the current correspondence of religious leaders and the spiritual poems of the 19th century, confiscated when the Old Believers were arrested in July 1930 during their traditional pilgrimage to Veselye Gory.

Необходимость конфронтационного мироощущения, постоянная потребность в различных, корректируемых (и, при отсутствии, создаваемых) образах внешнего и внутреннего противников, стала частью военно-мобилизационной системы советского государства с первых лет его существования. Особенно «плодотворными» для этого были периоды трансформационных изменений, одним из которых являлось начало 1930-х гг. – время насиль-

---

<sup>1</sup> Работа проведена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям по государственному контракту № 02.740.11.0348 на выполнение НИР «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов».

ственного превращения крестьян в работников общественного сельскохозяйственного производства. Соппротивление крестьян «коллективизации» и «раскулачиванию» происходило в виде массовых выступлений (от не санкционированных собраний, «волынки» и «бабьих бунтов» – то есть неповиновения без оружия, до побегов, поджогов, избиений и вооруженных восстаний) и пассивных акций (снижение посевов, самоликвидация хозяйств, слухи, частушки, анонимные письма, листовки) (Красильников 2009, 31–63). Акции сопротивления и связанное с ними устное и письменное творчество крестьян в ответ на волну насильственной «коллективизации», становились объектом расследований специальными органами. Часто в поле зрения ОГПУ оказывались прежде бытовавшие элементы народной культуры. Примером этого является текущая переписка религиозных лидеров об устройстве молений, хранимые ими листы старообрядческой периодики, изданной до октября 1917 г. и духовные стихи XIX в., изъятые при аресте старообрядцев в июле 1930 г. во время их традиционных, совершавшихся с 1850-х гг., ежегодных паломничеств на Веселые горы (Белобородов 2012), и сохранившиеся в комплексе судебно-следственной документации.

### **1. Ограничение прав религиозных объединений, духовных лиц и верующих в 1929 г.**

Исследования о положении религиозных объединений в 1920–1930-х гг., отмечают, что на протяжении всего 1929 г. происходило активное изменение законодательства, касающегося статуса религиозных обществ и прав верующих. В апреле 1929 г. советским правительством было принято постановление «О религиозных организациях», обеспечивающее органам власти контроль материальных ресурсов и многих сторон деятельности зарегистрированных объединений. В результате

за пределами легальности окончательно остались: монашество, церковная благотворительность, образование, хозяйственная деятельность и масса незарегистрированных или снимаемых с регистрации общин (Беглов 2008, 34).

Далее, в мае 1929 г. в Конституцию были внесены изменения также направленные на ограничение прежних возможностей в осуществлении деятельности верующих: право «религиозной и антирелигиозной пропаганды» было заменено «свободой религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды», т. о. любое высказывание духовного лица вне

богослужения, могла быть сочтена за недозволенную законом религиозную пропаганду. Далее, осенью 1929 г. в инструкциях местным властям и органам НКВД предписывалась активизация борьбы на «религиозном фронте» с явлениями церковной жизни, оказавшимися после всех этих изменений на нелегальном положении (Шкаровский 2000, 88; Жижков 2003; Медведев 2004, 83–103; Беглов 2008, 31–36; Собрание узаконений и распоряжений, Ст. 353).

К концу 1929 г. в политике партии возобладала позиция Сталина, отстаивавшего переход к форсированной индустриализации, сплошной коллективизации и культурной революции. Для успешного осуществления экономических и социокультурных преобразований в деревне предполагались необходимыми, в числе других мер, не только атеистическая пропаганда, подавление духовенства, но и ликвидация религиозных организаций.

Органы, осуществлявшие ранее пропагандистскую работу тоже претерпели изменения. В предыдущие годы борьбой с религией идеологическими методами занималась Антирелигиозная комиссия, возглавляемая Е. Ярославским. Она рекомендовала избегать обострений в отношениях с верующими, особенно при закрытии церквей. В ноябре 1929 г. комиссия была упразднена, а ее функции переданы в Секретариат ЦК (Жижков 2003).

Таким образом, в 1929–1930 гг. появились законодательно установленные основания для преследования религиозных обществ, и был расширен арсенал властей за счет возможности применять репрессивные меры не только по отношению к лидерам («служителям культа»), но и к самим верующим, особенно тем, кто высказывал недовольство – «антисоветские настроения». В 1930 г. поиск и высылка подобных «антисоветских» элементов стали одними из основных направлений работы ОГПУ. К ним, согласно определениям правительственных постановлений и распоряжениям исполнительных органов, следовало относить, кроме нескольких категорий «кулаков», активных членов религиозных общин (Курляндский 2010, 335; Трагедия советской деревни 1999, 158–164).

## **2. «Обработка молящихся... в антисоветском духе»: духовные стихи веселогорских паломников старообрядцев в интерпретации ОГПУ**

Одной из первых крупных акций местных органов внутренних дел на Среднем Урале для искоренения «недовольства», «религиозных предрассудков», «антисоветской агитации против колхозов и раскулачивания» и «распространения антисоветской литературы» стал арест в июле 1930 г. часовенных, участвовавших в ежегодных молениях у могил

почитаемых черноризцев на Веселых горах, местности между Верхнетагильским, Невьянским и Черноисточинским заводскими поселками (Материалы судебно-следственного дела о молении на «Веселых горах» 1930, Коровушкина-Пярт 2003).

Антирелигиозная пропаганда во время этих традиционных паломничеств велась с конца 1920-х гг., когда члены Союза безбожников и комсомольцы устраивали свои выступления прямо во время служб у почитаемых староверами могил. Идущих на горы старообрядцев снимали на кинокамеру (На Веселых горах 1929).

Когда в начале июля 1930 г. многочисленные паломники вновь прибыли на Веселые горы, члены «Союза безбожников» и работники просветительских организаций «открыли» споры с верующими, доказывая вредность религии, во время богослужения неподалеку играл оркестр и шел показ кинокартин. Однако на этот раз агитационными мероприятиями всё не закончилось.

Надо отметить, что проживавшие в деревнях и селах столкнулись в феврале – марте 1930 г., незадолго до описываемых событий, с жесткими мероприятиями властей по «раскулачиванию», выселению, созданию колхозов и имели о них непосредственное представление. Они высказывали своё мнение об этом не только в разговорах между собой, но и в возражениях «безбожникам» (Материалы судебно-следственного дела о молении на «Веселых горах» 1930, 37 об., 126–127):

Советская власть, ликвидировав нэпманов, во все кооперативные организации насадила своих нэпманов, которые жульничают и воруют на каждом шагу. Организация колхозов ничего не дает. Теперь колхозы живут хорошо потому, что едят ограбленный хлеб у кулака, население голодает, кругом нищета (П. С. Комаров 1902 г. р., крестьянин д. Большие Галашки).

Мне-то вы не говорите как живется рабочему, я сам рабочий и знаю как живут при советской власти рабочие (Д. С. Солдаткин 1909 г. р., житель п. Черноисточинского, возчик Нижнетагильской конторы треста «Рудметаллторг»).

Коммунисты, сволочи, притесняют религию и не дают молиться. Проповедуем свободу, а на самом деле её нет (И. Е. Коптелов 1892 г. р. крестьянин д. Шипеловой).

Сотрудники ОГПУ в это время вели наблюдение, фиксируя антисоветские, на их взгляд, высказывания. После этого, были задержаны 10 паломников, в том числе женщины-кликуши, наиболее активные и авторитетные, по мнению наблюдателей устроители паломничества, а также наставник общества часовенных в ближайшем к Веселым горам заводском поселке

Верхний Тагил – Антоний Поздняков. У арестованных изъяты разрозненные рукописные и гектографированные листы с духовными стихами. В содержании этих находок следствие усмотрело «антисоветский характер» и доказательство незаконной агитации. Таким же образом рассматривалась обнаруженная в доме наставника Позднякова его переписка и два листа старообрядческого журнала «Церковь» за март 1917 г.

Наряду с высказываниями паломников, следователи скрупулезно подсчитывали количество лошадей, коров, домов и десятин в хозяйствах арестованных. Однако крестьян, имевших больше 1–2 лошадей, не наблюдалось. Поэтому многозначно толкуемое понятие «кулак» было распространено в этом случае, как и во многих других судебных процессах начала 1930-х гг., на широкий круг лиц, исходя не столько из имущественного положения, сколько из представлений о политической неблагонадежности, обусловленной принадлежностью к традиционной религиозной культуре (Виола 2010, 53–60).

Сведения об основных мотивах, особенностях построения обвинения и результатах этого дела можно найти в уже имеющихся работах (Коровушкина-Пярг 2003; Белобородов/Боровик 2013). Скажем лишь, что по нему в первую очередь, за «антисоветскую агитацию» в декабре 1930 г. были осуждены на 3 года в концлагеря и ссылку 6 старообрядцев-часовенных, в том числе наставник верхнетагильской общины черноризец А. Поздняков (которого обвинение, не имея представления об отсутствии у этого согласия церковной иерархии, «возвысило» до епископа).

Поскольку приговор был вынесен Особым совещанием при Коллегии ОГПУ, материалов судебного разбирательства в деле нет и неизвестно, какую роль в итоге сыграли изъятые стихи и переписка. Однако их тексты, сохранившиеся в деле, сопровождаются подчеркиваниями и пометами следователей, отдельные фразы этих текстов цитируются в обвинительном заключении как свидетельства непозволительной критики и злонамеренных настроений. Для начала рассмотрим подробнее, какие духовные стихи нашлись среди тех разрозненных листов. Приведем их краткое описание.

1. Духовный стих «Об умилении души». Инципит: «Боже, зри мое смиренье, зри мои плачевны дни...». Рукопись. 1926 г. 4<sup>о</sup> (17,5–18,0 см). 1 л.

Письмо: текст выполнен коричневыми чернилами, примитивным полууставом

Бумага: фрагмент белой бумаги машинной выработки начала XX в. со следами разлинованного бланка, без штампов.

Нумерация листов: оригинальная нумерация листов отсутствует, в правом верхнем углу – нумерация листов в следственном деле (50).

Украшения: заглавие подчеркнуто переписчиком, выделены несколько инициалов в начале строк.

Пометы: после текста на л. 1 об. скорописью, теми же чернилами что и основной текст: «Мезенин Василий Лукиянов. 23 апреля 1926 г. четверг на Пасхе вода большая, холод, снег» и этим же почерком пробы пера).

Сохранность: края листа рыхлые, с разрывами.

Место хранения: ГААОСО. Ф. р 1. Оп. 2. Д. 16866. Л. 50–50 об.

2. Духовный стих «Стих о Воскресении Христовом». Инципит: «Спит Сион и дремлет злоба, спит во гробе царь царей...»). Рукопись. Начало XX в. 8° (10,5x17,5 см). 2 л.

Письмо: текст выполнен фиолетовыми чернилами, примитивным полууставом.

Бумага: фрагменты тонких листов из ученической тетради в линейку начала XX в.

Нумерация листов: оригинальная нумерация листов отсутствует, в правом верхнем углу – нумерация листов в следственном деле (51, 52).

Украшения: начало стиха предварено рисунком цветка простым карандашом и красками, розовой краской выделен инициал в первой строке, оранжевой, фиолетовой и синей краской – название стиха (на обороте первого листа (л. 51)).

Пометы: отсутствуют.

Сохранность: следы складывания листов вчетверо, на месте сгибов бумага сильно вытерта, разрыв по центру л. 51 подклеен с оборота двумя видами машинной бумаги, края листов очень рыхлые, с разрывами.

Место хранения: ГААОСО. Ф. р 1. Оп. 2. Д. 16866. Л. 51–52 об.

3. Духовные стихи «Стих о последнем времени» (инципит: «Слезы ливше о Сионе и сердечною тоской...»), и «Стих о Лоте (инципит: «Вечер... сумерки наступали у Содомских у ворот...»). Гектограф. Нач. XX в. 8°. (10,5x17,5). 4 л.

Письмо: полуустав, 15/16/17 строк на листе (размер текста 8–8,5x13,5–14,5)

Бумага: начала XX в. машинной выработки, желтая, тонкая, без штемпелей.

Нумерация листов: буквенная, в нижнем поле, по центру листа (1–4), в правом верхнем углу – нумерация листов в следственном деле (54–57).

Украшения: л. 1 (54), 3 об. (56 об.) – два инициала с растительным орнаментом, л. 3 об. (56 об.) – концовка с простым геометрическим орнаментом (цепочка из восьми колец).

Пометы: листы обернуты в обложку из тонкой машинной бумаги (л. 53) с надписью по центру ровным полууставом фиолетовыми чернилами «Два

стиха. Слезы лившее и о Лоте». В левом нижнем углу лицевой части обложки химическим карандашом: «30 к[опеек]».

Сохранность: нижний лист бумажной обложки частично утрачен, листы гектографа без видимых повреждений, на обороте последнего листа темное пятно 1×1,5 см.

Место хранения: ГААОСО. Ф. р 1. Оп. 2. Д. 16866. Л. 53–57.

4. Духовные стихи «Гора Афон» (инципит: «Гора Афон, гора святая...») и «Стих о последнем часе» на мотив «Жара томит» (инципит: «Скажи мне, Господи, кончину мою и час последний мой...»). Гектограф. Нач. XX в. 8°. (11,0×17,5). 4 л.

Бумага: начала XX в. машинной выработки, желтая, тонкая, без штемпелей.

Письмо: полуустав, 17/19 строк на листе (размер текста 8–8,5×13,5–14,5). Л. 61, 62 об. – без текста.

Нумерация листов: на первых двух листах оригинальная буквенная – в нижнем поле по центру листа (1, 2), остальные два листа – без буквенной нумерации; на всех листах в правом верхнем углу – нумерация листов в следственном деле (59–62).

Украшения: л. 1 (59), 3 об. (61) – два инициала с растительным орнаментом, л. 60 об. – угловая концовка из точек и запятых.

Пометы: листы обернуты в обложку (л. 58, 63) из тонкой машинной бумаги с надписью по центру ровным полууставом фиолетовыми чернилами «Гора Афон и о кончине».

Сохранность: без видимых повреждений.

Место хранения: ГААОСО. Ф. р 1. Оп. 2. Д. 16866. Л. 58–63.

Ни один из стихов не является оригинальным уральским. Все они были известны уже в конце XIX – начале XX вв. «Гора Афон» и данный вариант «Об умилении души» относятся к авторским стихам. Создание первого связывается с именем В. П. Сенковского (Казанцева, Философова 1998, 87), второй – архиепископа Филарета (Гумилевского).

Привлекший наиболее пристальное внимание следователей стих «О последнем времени» в составе сборников появляется с 1880-х гг. (Рукописи Верхокамья 1994, 153). Кроме этого, он имел другие заглавия: «Плач Израиля», «Плач на реке Вавилонской» (Мальшев 1965, 42, 56), «Стих о гонении христиан» (Потехина, Ницевич, Аугустяк 2010, 211), «Плач Ветхого и Нового Израиля о утере благочестия и овладении древней святыни», см.: Бубнов 2012, 75). В 1908 г. текст стиха был опубликован В. И. Срезневским по рукописному сборнику XIX в. из собрания Академии наук (Материалы к истории и изучению русского сектанства 1908, 254–255). Составитель поместил его в раздел в раздел бегунских стихов. Однако, на рубеже XIX–XX вв. стих уже был распространен в среде никак со

странническим согласием не связанной. В последнее предреволюционное десятилетие он издавался еще несколько раз в составе сборников духовных стихов, подготовленных, в том числе, и самими старообрядцами, напр. поморцем В. З. Яксановым (см. Рукописи Верхокамья 1994, 428). В разных мелодических вариациях он исполнялся в Верхокамье (Никитина 1982, 113; Макаровская 2005), был известен на Вятке и Северной Двине (Казанцева, Философова 1998, 107), Сибири и Поморье (Мурашова 2011), в Пскове и Прибалтике (Маркелов 1989, 412). Можно предположить, что в конце XIX – начале XX вв. популярность стиха, распространение его в многочисленных рукописных и гектографических копиях связано реакцией религиозного сознания (в большей степени крестьянского) на длительный, начавшийся еще до 1860-х гг., процесс «трансформации сакрального менталитета в светский» (Миронов 1999, 326–332), давший основание для бурной полемики в светской и церковной прессе рубежа XIX–XX вв. о религиозном «индифферентизме». После 1917 г. эти изменения стали еще более интенсивными, поскольку получили поддержку государства, активно способствовавшего распространению атеизма и противодействующего религиозным институтам.

Приведем текст стиха полностью, по гектографическому изданию из следственного дела. Разделение на строки дано по этому источнику, сохранена орфография, пунктуация, написание заглавных и строчных литер. Буквы старого русского алфавита заменены на соответствующие современные. Пропущенные буквы в словах под титлой приводятся в квадратных скобках. Пометки к тексту и подчеркивания следователей воспроизведены с пояснением в подстрочнике:

«Стих  
о последнем времени.

Слезы ливше о Сионе  
и с[е]рд[е]чною тоской,  
пел И[зра]иль в Вавилоне,  
пленный сидя над рекой:  
Скучно<sup>2а</sup> ж и т ь в с т р а н е  
                    б е з б о ж н о й <sup>а</sup>  
без с[вя]таго олтаря,  
где кумир и б[о]г  
                    подложный  
и власть надменнаго ц[а]ря,

---

<sup>2 а-а</sup> Текст подчеркнут красным карандашом.



где с[вя]той закон в зазоре.  
 нету истины следа. // (л. 1 об. (54 об.))  
 О велико наше горе, Нам<sup>б</sup>  
 жить с неверными беда!  
 Дни проводим мы в боязни,  
 нами трепет овладел;  
 ни за что мы терпим казни,  
 и наш орган онемел.  
 Вот и <sup>б</sup> снова злое время  
 над вселенной взяло власть <sup>в</sup>,  
 утаено правды племя,  
 терпят кроткие напасть.  
 Пала древняя с[вя]тыня,  
 град д[у]ховный разорен,  
 и Сион, стал как пус-  
 тыня, Весь закон  
 в нем изменен. // (л. 2 (55))  
 С виду много блеску,  
 Славы и наружной красоты,  
 а посмотришь на оуставы –  
 все фальшивые цветы.  
 Род избранных  
 весь разсеян,  
 сжат железною рукой,  
 опорочен и осмеян,  
 цену платят за покой.  
 Вспомнишь лишь  
 минувшие годы  
 Слезы сронишь, нехотя,  
 время мира и свободы,  
 о прошедших днях грустя,  
 когда вера процветала // (л. 2 об. (55 об.))  
 и любовь жила в с[е]рдцах,  
<sup>г</sup> всюду истина блистала,  
 был в народе б[о]жий страх.  
 Воин, раб и ц[а]рь на троне,  
 Кн[я]зь, с[вяти]т[е]ль и купец  
 были все в одном законе  
 земледелец и моудрец.  
 Все одну печать имели,  
 Кр[е]ст ч[е]стной, н[е]б[е]сн[ы]й знак<sup>г</sup>;

<sup>б</sup> Подчеркнуто черными чернилами.

<sup>в-в</sup> Текст подчеркнут черными чернилами.

<sup>г-г</sup> Строки выделены вертикальным подчеркиванием на левом поле красным карандашом.

и в одной с[вя]той купели  
омывали древний мрак.  
Оудалялись от мира в горы,  
как пустынные орлы,  
д[е]в и иноков соборы  
пели вышнему хвалы. // (л. 3 (56))  
Разширялись наши грани,  
Як на пир, мы  
  шли на сечь,  
ц[а]ри наши брали дани,  
сокрушали вражий меч.  
В древность было: с поля рати,  
оустрашенный враг бежал;  
действом кр[е]стной бл[ла]г[о]д[а]ти  
меч не столь их поражал.  
Власть с[вя]тителю имели,  
скажем, речь и чудеса;  
и потом в<sup>д</sup> земли не тлели,  
их по смерти телеса.  
<sup>е</sup>Н[ы]не люди только знают<sup>д</sup>  
посмеяться старине,<sup>е</sup> // (л. 3 об. (56 об.))  
звезды на н[е]бе считают,  
ц[а]рства видят на луне,  
видят там леса и горы,  
степи, реки, всякой знак,  
не проникнут<sup>ж</sup> их лишь взоры,  
есть ли <sup>з</sup>кофей да табак.<sup>ж</sup>  
Вечно мир земной летает  
и вертится д[е]нь и ночь,<sup>з</sup>  
тех прелестник обретае,  
кто бл[а]гих дел весьма тощ;»

В интерпретации следователей изъяты стихи содержали «критику создавшихся в стране производственных затруднений и критику существующего строя вообще», «весь смысл этих стихов, что при советской власти живется хуже, чем при царизме» (Материалы судебно-следственного дела о молении на «Веселых горах», 1930. 48, 54–56 об., 124). Паломничество (в деле оно обозначено термином «слет») на Веселых

<sup>д-д</sup> Строки подчеркнуты красным карандашом.

<sup>е-е</sup> Строки отмечены двойным вертикальным подчеркиванием на правом поле красным карандашом.

<sup>ж-ж</sup> Строки подчеркнуты красным карандашом.

<sup>з-з</sup> Строки отмечены двойным вертикальным подчеркиванием на левом поле черными чернилами.

горах, с их точки зрения, организовывалось и использовалось для агитации против советского строительства и атеистического просвещения. Для этого как раз и пелись духовные стихи.

Однако те же стихи, наряду с сохранившимися материалами дела и история почитания веселогорских могил свидетельствуют об иных источниках широко распространенного неприятия атеизма и разрушения традиционной культуры в процессе «великого перелома». Духовные стихи всегда были органично связаны с традиционной народной религиозностью и в них нашли место народные представления о нравственном законе (Федотов 1991, 11–16). Часть из них касалась проблем осмысления взаимоотношений «новин» и «старины» и появилась задолго до установления советской власти, выполняя, в некоторой степени, функцию переживания патриархальным религиозным сознанием происходящих в окружающем мире изменений. В 1930-е гг., на очередном этапе культурной трансформации осуществляемой репрессивными методами, реалии переживаемого времени стали почти дословно совпадать с текстом стиха, являющегося выражением мировоззрения, для которого наступление «безбожных времен» означало приход «последних времен».

В заключение обратим внимание на письмо черноисточинского общества старообрядцев к своему авторитетному наставнику. Впечатление от вмешательства агитаторов и действий сотрудников ОГПУ в его тексте передано кратко: «возмущали также волнения, а как и прошлый год». Выражая благодарность наставнику за присланные на моление книги из его библиотеки, устроители паломничества называют происходящее празднованием, необходимым для них в условиях, когда «нам очень трудно было проплыть волнуемое море против вредно дышающих ветров...». С точки зрения старообрядцев, «вредными» были как раз действия властей, стремящихся уничтожить традиционные встречи на горах.

Предполагалось, что культурно-воспитательная работа приведет к полному отказу освобожденных крестьян и рабочих от религии в целом и от проведения богослужений на Веселых горах в частности. Однако несмотря на все просветительные и оградительные меры могилы почитаемых старцев продолжали посещаться тайно. Часовенные, а с начала 2000-х гг. еще и единоверцы, из окрестных городков и поселков совершают паломничества в эти места до сих пор, распевая по дороге духовные стихи.

### **Приложение 1. [Письмо старообрядцев-часовенных Черноисточинского завода. Антонию Позднякову, июнь 1930 г.]**

Г[осподи] И[сусе] Х[ристе] С[ыне] Б[ожи] П[омилюй] Н[ас]. А[минь].  
Милостию Божиею православныя христиане Ч[ерно-]Источ[инского]  
завода честнейшему во иноцех отцу Антонию\* спешим сообщить

почтительное приветствие с любовью, троекратно кланяемся niskий поклон, желаем повсегдашнего благополучия в жизненном препровождении<sup>а</sup>, телеснаго здравствования и душевнаго спасения // (Л. 74 об.) и уведомляем Вас о нашем печальном сетовании о неприбытии Вашего личнаго с нам свидания. <sup>б</sup>Но благодарим за Ваше книжное послание, по которым с помощью Божию и попрасидновали, которыя посылаем Вам обратно с прикладом обчаго пожертвования 25 руб.<sup>б</sup> Просим извинить, что мы дерзнули совершить праздник взамен Вас. <sup>в</sup>Но нам очень трудно было проплыть волнующееся море против // (Л. 75) вредно дышающих ветров, которыя возмущали также волнения, как и прошлый год<sup>в</sup>. Но и между нас многочисленно аскицеса\* масса. Было тревожное положение о не приходе крестнаго посещения по дорогам однократнаго в год посещения. В заключение слов, да сподобите нас обращением и благословением.

Черноисточинское попечительское совещание Никольского храма\*.

ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16866. Л. 74–75.

#### Примечания

<sup>а</sup> *Испр., в ркп.:* препровождения

<sup>б-б</sup> *Подчеркнуто черными чернилами*

<sup>в-в</sup> *Подчеркнуто черными чернилами*

#### Комментарии

отцу Антонию – черноризец о. Антоний, мирское имя Аполлинарий Лукич Поздняков (1858/59–1932/33). Подробнее о нем см. Белобородов, Боровик 2013, 200–212.

аскицеса – вероятно, от аскитствовати, быть аскетом, отшельником, ведущим жизнь в строгом воздержании (Даль 1955, 26. Словарь русского языка XI–XVII вв. 1975, 55). Здесь, скорее всего, термин употреблен во множественном числе в значении «аскитствующие» – подвижники, крепко стоящие в своей вере. Ближким в переносном смысле в контексте письма является начальное значение: asketes (греч. ασκητής) – упражняющийся, борец (Толковый словарь 1935).

Никольского храма – Никольская часовня, один из старообрядческих молитвенных домов часовенных в Черноисточинском заводе.

**Библиография**

- Беглов, А. Л., (2008), «В поисках безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР. Москва.
- Белобородов, С. А., (2012), Религиозно-организационная структура старообрядчества горнозаводского Урала во второй четверти XIX – начале XX вв. (на примере согласия беглопоповцев/часовенных). Екатеринбург [диссертация].
- Белобородов, С. А./Боровик, Ю. В. (2013), «Ревнителю древнего благочестия» (очерк истории Верхнетагильского старообрядчества. В: Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 1 (5), 178–214.
- Бонч-Бруевич, В. (ред.) (1908), Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. Выпуск 1: Баптисты. Бегуны. Духоборцы. Л. Толстой о скопчестве. Павловцы. Поморцы. Старообрядцы. Скопцы. Штундисты. Санкт-Петербург.
- Бубнов, Н. Ю. (2012), Старообрядческие гектографированные издания библиотеки Российской академии наук. Санкт-Петербург.
- Виола, Л. (2010), Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. Москва.
- Даль, В., (1955), Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I (А–З). Москва.
- Жижков, В. В. (2003), Вопрос о религии во внутривластной борьбе 1928–1929 гг. (по материалам «черновых» протоколов Политбюро ЦК ВКП(б)). В: Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 193–204.
- Казанцева, М. Г./Философова, Т. В. (1998), Музыкально-поэтическое наследие Поморского Севера в вятской старообрядческой традиции. В: Уральский сборник. История. Культура. Религия. Выпуск 2. Екатеринбург, 81–111.
- Коровушкина-Пярт, И. П. (2003), «Бес коммунистов не любит...»: народное паломничество, кликуши и советская власть на Урале (к вопросу о народном благочестии). В: Уральский сборник. История. Культура. Религия. Выпуски 5. Екатеринбург, 281–293.
- Красильников, С. А. (2009), Серп и молот: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. Москва.
- Курляндский, И. А. (2010), Власть и религия в год «великого перелома» (1930 г.). В: Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Екатеринбург, 334–340.
- Макаровская, М. В. (2005), Напевы духовных стихов Верхокамья. В: Мир старообрядчества. 5. Традиционная культура Пермской земли: к 180-летию полевой археографии в Московском университете, 30-летию комплексных исследований Верхокамья. Ярославль, 182–197.
- Маркелов, Г. В. (1989), Латгальская рукописно-книжная традиция. Материалы к изучению. В: Труды отдела древнерусской литературы. 42. 410–438.
- Материалы (1930), Материалы судебно-следственного дела о молении на «Веселых горах». В: ГААОСО. Ф. р-1. Оп. 2. Д. 16866.
- Медведев, Н. В. (1997), Государство и Церковь в России (1924–1934). Москва [диссертация].
- Миронов, Б. Н. (1999), Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Том 2. Санкт-Петербург.
- Мурашова, Н. С. (2011), Духовные стихи русского Севера в репертуаре сибирских старообрядцев. В: Рябининские чтения 2011. URL [доступ 17 сентября 2015] [kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2011/1354.html](http://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2011/1354.html).

- На Веселых горах (1929). В: РГАКФД. Фонд кинофильмов. Д. 13122. чб. к/ф. в 4-х ч.
- НИКИТИНА, С. Е. (1982), Устная традиция в народной культуре русского населения Верхоямья. В: Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). Москва, 91–126.
- ПОТЕХИНА, Е./НИЦЕВИЧ, А./АУГУСТЯК, А., (2010), Старообрядческие духовные стихи из рукописной тетради Елены Петровны Дикопольской. В: Старообрядцы в зарубежье. Торунь, 210–222.
- Словарь (1975), Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 1. (А–Б). Москва.
- Собрание (1929), Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. № 35. Москва.
- Толковый словарь (1935), Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. Москва.
- ФЕДОТОВ, Г. (1991), Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам). Москва.
- ШКАРОВСКИЙ, М. В. (2000), Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). Москва.